

Для цитирования: Ершов Ю. Г. Права человека как юридическая фикция и социокультурная ценность // Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 86—94. DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-86-94.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-86-94

УДК 130.3

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ

Ершов Юрий Геннадьевич,

доктор философских наук,
профессор.

Российская Федерация, г. Екатеринбург.

E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию философско-правовой природы основных прав и свобод человека, которые трактуются как естественные и присущие человеку от рождения. Показано, что «естественность» прав и свобод является юридической фикцией. В действительности естественные права и свободы имеют социокультурный, то есть «искусственный» характер. Они закрепляют достигнутый уровень гарантий свободы личности и гуманности общественных отношений.

Ключевые понятия:

права человека,
идеализация,
юридическая фикция,
ценность,
естественное,
искусственное.

Введение

Идеология «естественных и неотчуждаемых» прав и свобод человека со времени окончания Второй мировой войны претендовала на роль безусловного критерия оценки стран — членов международного сообщества на соответствие их внутренней и внешней политики стандартам цивилизованного государства. Считалось, что конституционная и фактическая защищенность прав человека служат достаточно надежным показателем высокого уровня общественного развития: разумной социально-экономической организации и демократической политической системы. В теоретической модели правового государства основные права должны обладать непосредственным юридическим действием, а органы правосудия не только могут, но и юридически обязаны принимать решения, апеллируя к общепризнанным правам человека. Крах мировой системы социализма внушил иллюзию о «конце истории» и торжестве либерально-демократической идеологии, ценности которой рано или поздно разделят все государства земного шара.

Сегодня ситуация кардинально изменилась. Конфликтность современных геополитических отношений, гуманитарные интервенции в страны Азии и Африки, спорные решения ООН, Совета Европы, других международных организаций применительно к ряду государств во многом генерируются проблемой нарушения прав человека. Права человека все чаще становятся разменной монетой политических сделок, «двойных стандартов» в международных отношениях, прикрытием интересов властвующих элит, транснациональных монополий и т. п. Судебные реформы «молодых» членов Евросоюза — Польши и Венгрии бросают вызов устоявшимся представлениям о принципах правового государства применительно к правосудию и разделению властей. Гуманитарные интервенции в отношении репрессивных режимов трактуются как ширмы злонамеренных действий, лицемерно прикрываемых пафосом человеческой свободы, но в действительности ведущих к катастрофическим последствиям. Как в приснопамятные времена «холодной войны», геополитические «партнеры» обмениваются взаимными упреками в экстремизме. Поводом может служить все, что угодно: от выборов до разгона пикетов и демонстраций, которые взаимно интерпретируются в диаметрально противоположном духе. Обвинения в нарушении прав человека

ухудшают или осложняют дипломатические отношения, служат причиной санкций и информационных войн.

Различные, порой враждебные интерпретации доктрины прав человека могут влиять на формирование силовых линий мирового геополитического пространства.

Но вот что интересно. За исключением небольшого числа стран-изгоев мало кто решается открыто бросить вызов идеологии основных (естественных, присущих от рождения, неотъемлемых и т. д.) прав и свобод человека. Как язвительно писал в 1978 году о «реальной политике» советский писатель-диссидент Владимир Максимов: «Можно ожидать, что вскоре о правах человека заговорят даже крокодилы» [6, с. 117].

Правда, порой политические режимы авторитарных государств, в том числе образовавшихся в результате распада СССР, не более чем имитируют приверженность идеям прав и свобод человека. Они формально закрепляют их в своих конституциях, формально участвуют в международных организациях по контролю над их соблюдением. На деле же в них довлеют ментальные матрицы прошлого и государственно-политические практики, нацеленные на сохранение репрессивной машины государства, господствующего положения нового правящего класса. По своему смыслу эти практики или прямо противоположны идеям «неотчуждаемых и естественных прав», или существенно сужают их реализацию. Тем самым фактически легитимируются произвол и противоправная деятельность властей различного уровня, классовый характер суда и т. п.

Сыграл свою роль в негативном отношении к идеологии прав человека и рост международного терроризма, обостривший проблему ценностей безопасности. Во имя подлинной или мнимой безопасности люди готовы жертвовать своими правами. Дополняют ситуацию действия спецслужб, зачастую пренебрегающих правами человека при борьбе с террористической угрозой. Но, если в демократических странах происходит временное и контролируемое обществом сужение сферы прав человека в борьбе с терроризмом, то деспотические режимы стремятся к полному уничтожению этой сферы, широко используя политическую демагогию для самооправдания.

В какой мере освоение доктрины естественных прав и свобод человека и обусловленных ею конструкций правового государства проблематично для современной России? Об этом можно судить по следующим фактам:

- в Конституции РФ провозглашены в качестве основ конституционного строя идеологический плюрализм и многопартийность, свободные выборы, свобода предпринимательства, независимое правосудие и т. д. В реальности с отрицательной динамикой происходит деформация принципа разделения властей и системы их сдержек и противовесов. Произвол становится универсальной нормой действия обладателей властных полномочий. Правосудие трансформируется в рутинные процедуры вынесения наказаний, игнорирующие действительные обстоятельства, аресты производятся без адвокатов, начинают преследоваться сами адвокаты;
- в противоположность юридическому правопониманию, четко разделяющему право и закон, господствует позитивистское понимание права и законодателями, и судьями, и государственными служащими. Право с его формальной определенностью, с его четко прописанными процедурами, с его иерархией и неразрывной связью со справедливостью в России в значительной степени деформировано.
- из всех прав человека большинство российского населения освоило знание и практики защиты прав потребителя, при этом не испытывая потребностей в политических правах и скептически, а то и враждебно относясь к правозащитной деятельности.

Попробуем разобраться в ситуации, в том числе учитывая те перекосы в защите прав человека, которые наносят ущерб единству и целостности общества как социокультурной системе.

Обсуждение

А. Ю. Сунгуров выделил пять основных смыслов, обычно вкладываемых в понятие прав человека. Во-первых, права человека как синоним свободы; во-вторых, права человека как отражение достоинства личности; в-третьих, права человека как притязание на обладание определенными предпосылками и возможностями; в четвертых, права человека как характеристика отношения «человек — государство»; и, наконец, права человека понимаются как инструмент ограничения власти [6, с. 90]. Опираясь на проделанный анализ, автор предложил

следующее интегративное описание: «Права человека — это понятие, тесно связанное с понятием свободы, понятие, отражающее как само достоинство человеческой личности, так и притязание на обладание конкретными возможностями, позволяющими сделать жизнь этой личности действительно достойной. Права человека являются одновременно и характеристикой отношений «человек — государство», и инструментом ограничения власти правительства (государства) над человеком» [8, с. 90—91]. В данном подходе содержатся возможности разрывания исходного определения в содержательную, многостороннюю концепцию. Но в нем не фиксируется генеалогия идеи естественных прав и свобод человека, не решается вопрос об их социокультурной природе. Между тем он требует концептуального ответа, т. к. некоторые трактовки природы прав человека вызывают сомнение.

Например, для многих работ философско-правового и правоведческого характера свойственно буквальное понимание прав человека как притязаний на свободу в силу их трактовки как «естественных и неотчуждаемых». Свобода трактуется как качество, **естественно** присущее людям, отличающее их от иных живых существ. Права человека **естественны**, поскольку формируются независимо от воли государства и прежде их позитивации в законе; они — **неотчуждаемы**, так как государство не может их отменить или упразднить. Более того, на этом основании права человека рассматриваются как источник существования самого государства и его законов, как пределы публично-властных (в том числе и законодательных) полномочий. Для понимания сути проблемы важно подчеркнуть, что «естественные и неотчуждаемые» права человека первоначально определяются как притязания на не более чем абстрактную свободу, т. е. формально равную с другими людьми возможность самостоятельного (свободного от внешнего принуждения) выбора варианта своего поведения. Такой подход характерен для новоевропейских идеологов, борющихся с изживающим себя, поэтому — «искусственным» (ненормальным) — сословным феодальным обществом.

Абстрактность подобной свободы неизбежно создает противоречие, первоначально скрытое и неактуальное. Сегодня оно (противоречие) явно обнаруживается столкновением, с одной стороны, требований универсальности стандартов прав человека, закрепленных в международных конвенциях и, с другой, отклонений или даже

отрицаний этих стандартов в политической практике суверенных государств. В социально неоднородном обществе, как и в столкновении цивилизаций не может быть и речи о существовании универсальных ценностей, «конца истории» в обозримой перспективе человечества не предвидится.

При этом всегда актуален вопрос о доминирующей системе ценностей в том или ином обществе (цивилизации), векторе и динамике их развития. Само происхождение концепции естественных прав и свобод человека проблематизирует противоречие «универсальное — локальное», коль скоро впервые эта идея возникает в протестантизме во времена Реформации. Далеко не сразу эта концепция была принята католицизмом, православная же церковь, особенно российская, и по сей день относится к ней настороженно, оспаривая общепризнанность универсальных норм прав человека. В значительной мере не совпадают ценности европейского либерализма с идеалами других религиозных систем — ислама, иудаизма, буддизма и т. д. Существенно и то, что провозглашение приоритета общечеловеческих прав человека по отношению к национальному суверенитету, закрепленное в Уставе ООН было обеспечено (в определенном смысле — навязано) волей стран-победительниц во Второй мировой войне. (Советский Союз формально подписал учредительные документы и Декларацию прав и свобод, но не утруждал себя их соблюдением, апелляцию же к ним трактовал или как злостную политическую демагогию, или как антисоветскую пропаганду).

В общем плане отрицательное (от раздражения до ненависти) отношение к самой идее прав человека (равно как и вытекающим из нее правовым ценностям) присуще крайним полюсам политического спектра. На одном — радикализм правого, националистического толка; на другом — левый экстремизм. Обе идеологические ориентации присущи авторитарным государствам с полицейско-репрессивными режимами.

Проблема основных прав человека в последние годы обострилась массовым притоком беженцев в Европу из стран Азии, Африки, Ближнего Востока. Результатом скачкообразного роста миграции, стало небывалое — как по своей плотности, так и продолжительности — взаимодействие различных этносов, культур, конфессий в пределах европейских государств. Следуя либерально-демократическому законодательству, Европейский Союз распахнул двери потокам людей, бегущих от бедствий

и страданий, нищеты, вызванных гражданскими войнами и иными острыми конфликтами. Неустроенность жизни беженцев в принимающих государствах, сопряженная с радикально иной цивилизационной идентичностью, скученность в гетто ведут к угрозе сохранению национально-культурной идентичности принимающих государств. Нарушение стабильного этнокультурного воспроизводства выводят ксенофобию, шовинизм, расизм и т. п. за пределы маргинальных групп. Социально-психологическая реакция на угрозу потери идентичности становится болезненной и приобретает политический характер, питая правый популизм. Совместное существование различных государств, этносов и конфессий чревато риском конфликтов между ними и последующих непредсказуемых по разрушительности последствий в жизни людей и государств. Напряженности, создаваемые этнокультурными различиями, борьба за материальные и символические ресурсы между этнокультурными группами, и в ближайшей, и в отдаленной исторической перспективе, неустраимы.

В государствах западной цивилизации доминирующее положение приобрела идея толерантности к иным мнениям и обычаям, особая тщательность во внимании к особенностям образа жизни тех или иных меньшинств, защите их ценностей от дискриминации. Толерантности отводится роль одного из важнейших способов их предотвращения. стабилизации межгрупповых отношений. Задача политики толерантности состоит в минимизации рисков, которыми этнокультурная конкуренция грозит соблюдению прав человека.

Но требование полного безразличия (индифферентности) в отношении межгрупповых различий, в том числе этнокультурных, утопично, особенно в случае роста экономической и политической напряженности в обществе.

Сторонники мультикультурализма настаивают на праве этнических и религиозных групп соблюдать свои обычаи в отношениях мужчин и женщин, в том числе — на подчиненном положении женщин в семье и обществе, включая, например, их обязанность носить хиджабы. Приверженцы приоритета индивидуальных прав человека выступают против любых форм дискриминации женщин.

Тем самым камнем преткновения становится вопрос о пределах толерантности. За требованием права каждой культуры на собственный путь развития, самобытность

и своеобразие могут скрываться как стремление к самоизоляции, так и маскировка авторитарно-репрессивных практик. Принцип толерантности критикуется как консерваторами (за нигилизм — разрушение традиционных ценностей культуры), так и релятивистами, полагающими толерантность в условиях ценностного плюрализма вещью устаревшей и не достижимой, поскольку плюрализм делает невозможным достижение какого-либо консенсуса в обществе. Казалось бы, соблюдение прав человека означает признание и уважение этнокультурных различий, поскольку индивид в норме реализует свою личность в рамках собственной культуры. Но тогда неизбежно возникает вывод о невозможности оценочного сравнения различных этнокультурных систем.

Критика любой правозащитной идеологии сплошь и рядом основана на обвинениях плюралистов в «воинственном отрицании традиционалистских взглядов», представляющих собой ориентации на абсолютные нравственные ценности. Разумеется, сразу возникает вопрос о трактовке «абсолютных ценностей». В контексте постнеклассической рациональности универсальность («абсолютности») ценностей, в том числе правовых, отрицается в принципе. Социокультурная реальность понимается как многообразная, вероятностная, нестабильная, сложная и непредсказуемая. Идея абсолютных ценностей с необходимостью приводит к манихейскому взгляду на мир, поскольку отрицание принципа относительности морали с необходимостью ведет к навязыванию силой единственно возможной версии ценностей. Защита нравственных устоев общества объективно возможна или преимущественно силами самого общества или принудительно-репрессивной силой государства.

Неустраимая субъективность оценки значимых событий приводит к существенным различиям, а то и диаметральной противоположности квалификаций происходящего. Действия, направленные на защиту государственного суверенитета (борьба с сепаратизмом), могут определяться как нарушение права нации на самоопределение, «гуманитарная интервенция» при массовом нарушении прав человека может быть признана вторжением во внутренние дела государства, то есть попранием государственного суверенитета.

Многообразие культур, ситуации постоянной нестабильности и непредсказуемости во взаимоотношениях государств и их блоков, сопровождаемые ценностными кон-

фликтами, требуют поиска новых способов цивилизованного разрешения конфликтов.

Что может стать всеобщими правилами действия, претендовать на статус если не универсальных, то хотя бы общезначимых норм? Будем помнить при этом, что «сегодня стала очевидной завышенность претензии человеческого Разума, которую можно обозначить как «миф позитивного права», построить идеальную (завершенную, непротиворечивую, охватывающую все возможные юридически значимые ситуации) правовую систему» [9, с. 10]

Ценность права во многом состоит в обеспечении стабильного функционирования и поступательного развития социума. В каждую конкретно-историческую эпоху, в границах определенной цивилизации создаются нормы, которые функционально значимы для сохранения идентичности единичного общества, его уникального Космо — Психо — Логоса. Как отмечал В. А. Бачинин, «Естественное право не тождественно действующему законодательству (положительному праву), предполагая глубинные связи со всей целостностью нормативно-ценностного континуума мировой культуры, с религиозными, нравственно-этическими и метафизическими принципами, расширяющими и углубляющими его юридическое содержание. [2, с. 75].

Глобализация делает правомерной подобную постановку вопроса применительно к человечеству в целом. Но уголовно-правовых запретов убийства, кражи, грабежа и других преступлений сегодня мало. Для нормального функционирования современного общества необходимы вполне определенные конституционные и гражданско-правовые нормы. Они охраняют право частной собственности, запрещают политическую и экономическую монополию и др. Подлинная демократия невозможна вне норм, регулирующих свободные и регулярно проводимые выборы, свободу средств массовой информации, многопартийность и др. Фундаментом подобных политико-правовых систем в современном мире и выступают основные, сиречь, естественные права и свободы.

Но если в множестве субъективных прав выделяются «естественные» права, то логично предположить, что все иные права должны быть определены в качестве искусственных.

Так и полагают Г. Ч. Синченко и Н. М. Николаенко: «ясно, что оперирование понятием естественных прав предполагает разбиение всего универсума субъективных прав на естественные и иные, которые,

вообще говоря, было бы логично назвать искусственными. Однако во избежание отвлекающей внимание коннотации «искусственного» с «поддельным» остановимся на прилагательном «вторичные». В самом деле, если естественные права — базисные, первичные, то иные от них производны и, соответственно, вторичны» [7, с. 47]. Например, роль пусковой причины возникновения неотчуждаемого права играет единственный юридический факт — рождение человеческого индивидуума. Вторичные же права образуются уже в силу не менее двух фактов — для возникновения права на защиту диссертации к рождению добавляется получение высшего образования etc. По нашему мнению, именно прямой смысл антитезы «естественного» и «искусственного» проясняет социокультурную ценность и правовую фикционную конструкции «естественных» прав и свобод. «Естественное» и «искусственное» образуют категориальную пару, фиксирующую разные, но обретающие смысл во взаимном противопоставлении аспекты предметов социогуманитарного познания, образуя тем самым и особый познавательный принцип. В соответствии с этим принципом любой феномен культуры может рассматриваться и как результат целеполагающей человеческой деятельности и как процесс, протекающий по объективным законам.

Квалификация процессов и отношений в категориях искусственного и естественного определяет терминологическую форму выражения этих процессов и отношений: искусственное выражается в терминах норм, проектов, целей, естественное — в терминах законов, описаний и моделей.

Этимология слова «естественный» полисемантическая, но среди всего многообразия его смыслов нас интересуют в первую очередь значение нормальности, обусловленности самим ходом развития, его внутренней логикой. То есть, уже предварительно можно утверждать, что естественные права и свободы являются закономерным результатом поступательного хода всемирной истории. Почему же тогда ставится вопрос об их юридически фикционной природе?

Для этого необходимо выяснить гносеологическую природу как теоретической фикции вообще, так и правовой фикции. Теоретическая фикция применяется в самых разных формах духовной и теоретической деятельности, в том числе как юридико-технический прием во всех отраслях права. Правовая фикция, в самом общем виде — это несуществующее положение, но в силу

определенных соображений признаваемое законодателем как действительно существующее и ставшее в силу этого обязательным. Как отмечает Е. С. Аничкин, «по сути, фикция выступает в качестве особого приема юридической техники, позволяющего исключить избыточность правового регулирования, восполнить пробелы в праве, упростить правовое регулирование чрезмерно сложных правовых отношений и в целом оптимизировать нормативную систему» [1, с. 89].

Правовая фикция, будучи закрепленной в норме права, становится общеобязательной. Императивный характер фикции предписывает понимание ситуации, сконструированной при ее помощи как реального положения вещей.

Формально создание правовой фикции произвольно, в отличие от правовой аксиомы или презумпции, имеющих в основе своего закрепления определенные основания. Но эта произвольность условна, так как применение фикции в качестве регулятора целесообразно получением необходимого результата, созданием и развитием общественно необходимого правоотношения. Конструируя условную реальность, регуляция которой закреплена нормативно, и является обязательным предписанием, правовая фикция делает это открыто и недвусмысленно.

К определению правовой фикции как изначально ложного предположения порой добавляют, что его ложность не опровергается, поскольку в этом просто нет смысла. С таким подходом невозможно согласиться, поскольку именно объяснение формальной неистинности фикции как раз и обнаруживает ее смысл. Содержательная же истинность или ложность правовой фикции определяется результатами общественно-исторической практики, на протяжении определенного времени, порой достаточно продолжительного.

Аналогично, утверждение, что правовая фикция не имеет референтов в реальности и не является результатом обобщения, поскольку конструируется как идеализация, моделирующая правоотношение, страдает узкоюридическим подходом. В теоретическом познании процесс идеализации — мысленное конструирование понятий об объектах, не существующих и не осуществимых в действительности, но имеющих прообразы в реальном мире. Процесс идеализации характеризуется отвлечением от свойств и отношений, необходимо присутствующих предметам реальной действительности, и введением в содержание образуемых понятий таких признаков, которые в принципе не

могут принадлежать их реальным прообразам. В зависимости от цели, предмета, гипотезы исследования создаются различные абстракции одного и того же реального объекта. Но метод идеализации основан не только на абстрагировании, но и на мысленном конструировании объектов, в котором то или иное свойство, состояние, функция представлены в наиболее выраженном, предельном виде. Результативность идеализации обеспечивается применимостью на практике теории, созданной на основе одной или системы идеализаций. Кроме того, в социогуманитарном познании в идеализациях более ярко, рельефно выражен дескриптивный аспект, выражающий момент долженствования, то есть приоритет определенных ценностей.

Словом, сегодня прежнее определение Р. Иерингом правовой фикции как технического обмана, юридической лжи, освященной необходимостью, выглядит архаично.

Фикционная природа естественного права проявляется в его самолегитимации — волевым возведении собственного субъективного содержания в общезначимые юридические нормы, их закреплении в декларациях и конституциях. Использование концепта «естественное право» в смысле мировоззренчески обоснованных и императивно предъявленных первичных прав индивидов перед обществом в целом и государством, по умолчанию игнорирует существование и возможность иных трактовок естественного права. Разумеется, они также могут претендовать на интерпретацию в качестве справедливых, неоспоримых, неотчуждаемых, присущих от рождения, неоктроированных и т. д. Например, «естественно» божественное происхождение законов для средневекового религиозного мировоззрения; жизнь «по понятиям» «естественна» в границах криминальной субкультуры и т. д. Зрелая греческая культура и философия мыслит незыблемые законы вселенной в гармоническом единстве с природой и обществом. Они предопределяют меру должного поведения человека, включенного в божественный порядок, этические и правовые требования к индивиду. Все это одни из многих конкретно-исторических версий «естественного» права. Поэтому редукция естественного права к «атомарному» индивиду так же исторически релятивна, как и выведение его из божественной воли или Космоса. Любая конкретно-историческая форма мировоззрения, с большей или меньшей определенностью, вырабатывает свою концепцию природы человека как «естественного» существа.

Возникающие правовые учения, в своем фундаменте всегда имеют философско-правовые представления о свободе и справедливости, человеке как субъекте права, о его правах и обязанностях, Юридические концепции, как и любые другие теории, претендуют на выражение действительного положения вещей, того, что существует само по себе — естественно. Но все дело в том и состоит, что любое «естественное» в условиях существования человеческого общества состоит в «искусственности» его способа жизнедеятельности — культуры.

Воспринимаемое как откровение и истина в последней инстанции на рубеже 1990-х годов утверждение о глубоком и истинно человеческом смысле естественно-го права, отвечающем сути разума и утверждающем свободу человека, сегодня обнаруживает свою теоретическую уязвимость.

Традиционное международное право, отводя роль субъекта государствам, индивидов рассматривало в качестве объектов защиты государством. Но сегодня и западная правовая доктрина, и правоприменительная практика (например, Европейского суда по правам человека), выступая от имени международного права, придает индивиду статус субъекта, а не только объекта правового регулирования. Соответственно, деятельность современных институтов и норм в контексте идеологии прав человека регламентирует, прежде всего, взаимоотношения между государством и человеком, а не между двумя государствами или двумя правительствами. Апелляция к «естественному» праву предоставляет широкие возможности для обоснования ограничений догматики позитивизма, соответственно, критики нарушений прав и свобод человека. В тоже время, как свидетельствует конституционная практика многих стран, неоправданно широкая трактовка содержания «естественного права» таит в себе известную угрозу злоупотребления целями и требованиями конституционной практики. Эта угроза состоит в непрерывном возникновении и росте личностных самооценок индивидов, требующих от государства гарантий признания и защиты новых прав, трактуемых как «естественные и неотъемлемые». Об этой угрозе писал В. И. Крусс — о невиданных ранее правопритязаниях личности, представляющей человечество на рубеже третьего тысячелетия от Рождества Христова. Их содержание можно выделить и обособить в группу таких, «которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» чело-

века самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию», и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами» [4, с. 43]. Согласимся с автором, что вряд ли найдутся аргументы об универсальности «новых» правопритязаний. Правда, точно также можно оценить и обращение к христианству как безусловной инстанции в обосновании «естественности» одних и «неестественности» других прав.

По мнению А. А. Владимирова, естественное право «требует» от позитивного права государства защиты и обеспечения прав человека, а не прав чиновников или органов власти. Поэтому «... этот исходный принцип содержит эвристически мысль о неизбежной антигуманности позитивного права и санкционированного им государства» [3, с. 280]. На наш взгляд, нельзя противопоставлять естественное и позитивное права — они всегда существуют в органичной и конкретно-исторической связи между собой, при этом различные субкультуры общества будут создавать свои особые варианты взаимосвязи нормативности и ее ценностного содержания. Наивно полагать, что «идеально, чтобы позитивное право соответствовало законам или закономерностям жизни человека, государственно-организованного общества и человечества» [10, с. 113]. Подчеркнем, любому варианту позитивного права имманентно и определено естественное-правовое измерение, поскольку категория естественного права позволяет различать сущее и должное в правопорядке.

Заключение

Таким образом, содержание и форма естественного права историчны, они всегда производны от достигнутого уровня культуры и цивилизации, степени гуманизации общественных отношений и индивидуально-личностного развития человека. Права человека не существуют помимо социальности индивида, так как именно общество формирует и закрепляет притязания человека на определенную меру свободы, справедливости и равенства. Поэтому права человека — не просто правоспособность и правосубъектность человека в юридическом измерении. Это еще и определение того, кто в данной социокультурной и политико-правовой системе признается в качестве человека. Отсюда — меньше всего «естественные» права человека выступают в качестве

дара природы. Они всегда были итогом постоянной борьбы за эти права, принадлежат тем, кто их завоевал и заслужил. Естественные права обладают вполне определенной конкретно-исторической природой, выражая детерминированность как временем (исторической эпохой), так и пространством (цивилизацией). Наделение этих прав статусом «естественных» — не что иное, как правовая фикция, закрепляющая достигнутый рубеж индивидуальной свободы и гуманизма.

Здесь мы опять возвращаемся к исходному противоречию — между наделением основных прав статусом «общечеловеческих» и генетически их «западным» характером. Вариантом ответа могло бы быть признание западной цивилизации флагманом всемирно-исторического развития, дающим благодарному человечеству образцы социальной, экономической и политической организации. Но вряд ли с очередным вариантом «европоцентризма» «согласятся» другие цивилизации, да и по существу это будет противоречить принципу толерантности, в целом духу современного правового государства, обеспечивающего соблюдение прав и свобод. Например, развитие социальных прав, выступающих как естественное продолжение естественных прав-свобод, парадоксально ведет к сокращению сферы их применения. Движение «Black Lives Matter», возникнув как стихийная антирасистская акция, через некоторое время обнаружило стремление сделать процедуру коленопреклонения обязательной. Нетрудно заметить угрозу появления феномена, чуждого изначальной идее расового равенства. Стремясь обеспечить права разных меньшинств, безотносительно к условиям места и времени, либеральная демократия рискует парадоксально превратиться в свой антипод — бюрократическую форму организации жизни, выхолащивающую ее содержание во имя торжества абстрактных принципов. Прав В. И. Крусс, предлагающий ориентироваться на «...например, принципы объективной соразмерности экономических интересов, политической честности, взаимной добросовестности выполнения договорных обязательств, признания фундаментальной несправедливости ресурсного монополизма, последовательного, а не «выборочного», социального партнерства, экологической и национальной безопасности или обязательного минимума элементарной разумности в общении» [5, с. 46—47].

По нашему мнению, именно таково решение поставленной проблемы — через использование коммуникативной концепции

социальной нормативности Ю. Хабермаса, основанной на формальной, дискурсивной рациональности. По ней, социальные, следовательно, и правовые нормы, обретают социальную значимость после их коллективного признания. Тем самым аудитория, руководимая мотивом совместного поиска истины, добивается общезначимости нормативного регулирования. Разумеется, при этом, должны быть соблюдены условия иммунитета против подавления и неравенства, симметричность коммуникации. Но, согласимся, в условиях современных геополитических конфронтаций, ожесточенной борьбы за лидерство в сложившемся миропорядке, просто отрицания основополагающей роли ценностей основных, естественных прав и свобод, такой способ решения проблемы пока гипотетичен.

Тем не менее, несмотря на бурные, подчас ожесточенные дискуссии, невзирая на произвол и политические репрессии, идея основных и неотъемлемых прав и свобод человека занимает прочное место в ценностях современной цивилизации. Идея прав и свобод человека стала важным ориентиром в усилиях по достижению договора об общих принципах совместной жизни на Земле людей разных взглядов и убеждений. При всех внутренних противоречиях концепции прав и свобод человека, лицемерных практиках ее реализации и временных отступлений, она способна создавать прочный фундамент международного взаимопонимания и сотрудничества.

Идея новоевропейских естественных и неотчуждаемых прав человека изначально была связана со стремлением ограничить абсолютистский произвол государственной власти. Как бы ни были спорны современные трактовки содержания, сущности, самой возможности тех или иных основных прав, несомненна их ключевая роль в концепции либеральной демократии.

Именно в этом и заключается причина неприятия, доходящего до ненависти, к либерализму авторитарно-репрессивных режимов современности.

1. Аничкин Е. С. Фикции в конституционном праве Российской Федерации: особенности, виды, действие // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 87—105.

2. Бачинин В. А. Естественное право как предмет философского правоведения // Современное право. 2008. № 8. С. 70—76.

3. Владимиров А. А. Проблема прав человека в «философии права» // Вестник ВГАВТ. 2016.

Вып. 47. Раздел X. Философия. Общество. Культура. С. 280—284.

4. Крусс В. И. Личные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: постановка проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43—50.

5. Крусс В. И. Актуальные аспекты проблемы злоупотребления правами // Государство и право. 2002. № 10. С. 46—53.

6. Максимов В. Е. «Реальная политика» или средство самообмана // В. Е. Максимов. Собрание сочинений. Т. 9. М.: Terra — Terra, 1994. С. 117—120.

7. Синченко Г. Ч., Николаенко Н. М. Естественные права, естественное право и творческое наследие русского космизма // Философия права. 2007. № 2. С. 47—54.

8. Сунгуров А. Ю. Права человека как предмет политической науки и как междисциплинарная концепция // Полис. Политические исследования. 2010. № 6. С. 90—105.

9. Честнов И. Л. Ценность права в постклассическом измерении // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 7—17.

10. Юнусов А. А., Юнусов Э. А. Права человека и естественное право // Право и образование. 2006. № 5. С. 112—129.

References

1. Anichkin E.S. (2018) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, vol. 18, iss. 2, pp. 87—105 [in Rus].
2. Bachinin V.A. (2008) *Sovremennoe pravo*, no. 8, pp. 70—76 [in Rus].
3. Vladimirov A.A. (2016) *Vestnik VGAVT*, iss. 47, part X. *Filosofija. Obshhestvo. Kul'tura*, pp. 280—284 [in Rus].
4. Kruss V.I. (2000) *Gosudarstvo i pravo*, no. 10, pp. 43—50 [in Rus].
5. Kruss V.I. (2002) *Gosudarstvo i pravo*, no. 10, pp. 46—53 [in Rus].
6. Maksimov V. (1994) «Real'naja politika» ili sredstvo samoobmana // V. E. Maksimov. *Sobranie sochinenij*. Vol. 9. Moscow, Terra. P. 117—120 [in Rus].
7. Sinchenko G.Ch., Nikolaenko N.M. (2007) *Filosofija prava*, no. 2, pp. 47—54 [in Rus].
8. Sungurov A.Yu. (2010) *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 6, pp. 90—105 [in Rus].
9. Chestnov I.L. (2015) *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij*, no. 3 (4), pp. 7—17 [in Rus].
10. Yunusov A.A., Yunusov Je.A. (2006) *Pravo i obrazovanie*, no. 5, pp. 112—129 [in Rus].

For citing: Ershov Yu.G. Human rights as a legal fiction and sociocultural value // *Socium i vlast'*. 2021. № 2 (88). P. 86—94. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-2-86-94.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-86-94

UDC 130.3

HUMAN RIGHTS AS A LEGAL FICTION AND SOCIOCULTURAL VALUE

Yuri G. Ershov,

Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, Yekaterinburg.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Abstract

The article is focused on studying the philosophical and legal nature of fundamental human rights and freedoms, which are interpreted as natural and inherent in a person from birth. It is shown that the “naturalness” of rights and freedoms is a legal fiction. In reality, natural rights and freedoms have a sociocultural, that is, “artificial” character. They strengthen the achieved level of guarantees of individual freedom and humanity in public relations.

Keywords:

human rights,
idealization,
legal fiction,
value,
natural,
artificial.